

МОЙ ДРУГ ШУБКИН – НЕПОДКУПНЫЙ РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ (К ЕГО 75 ЛЕТИЮ)

В эти дни исполнилось 75 лет известного социолога Владимира Шубкина. Его жизнь, как мне кажется, заслуживает внимания общества, ибо, на мой взгляд, не так уж много людей в пост Советской России выглядят так морально безупречно как мой друг. Шубкин выдержал интеллектуальные и моральные испытания двух режимов – Советском и пост Советском. На мой взгляд, дьявол искушения был намного изобретателен именно в обществе, которое возникло после 1991 года, и неудивительно, что число людей, которыми я восторгаюсь в 1998 году куда меньше числа тех, кто были моими кумирами даже в грустные 70 годы, не говоря уже о 60 годах.

Выдержать оба испытания мог только человек, у которого главная личностная доминанта является чувство собственного достоинства, у которого центральная озабоченность в жизни является сохранение “чести с молодости”.

Чувство собственного достоинства является, в моей теории Шубкина, тем базисом, на котором возвышается надстройка с большинством его личных качеств. Его замечательная подруга и жена Ира не уступала Володе в этом повседневном беспокойстве о чести, и они оба зорко следили друг за другом, чтобы не совершать поступков, которыми они не будут гордиться.

Режимы. Чувство собственного достоинства прежде всего не позволила юбиляру гнуться перед обоими режимами, на которые пришлось его жить до нынешней даты, и очень мало вероятно, что появившись в России новый режим, Шубкин начнет петь ему алилию.

Володя не был диссидентом. Он не будет утверждать как многие, работавшие тогда в ЦК и прямо контролируемых им учреждениях, в Правде и Коммунисте, сотрудничавших тайно с КГБ, что они разрушали там советскую власть, делая это даже на пьянках, как писал недавно в Независимой Газете один очень уважаемый и любимый мною социолог. Конечно, абсолютно пионерские исследования о профессиональной ориентации молодежи в начале 60х годов были прямым ударом по одному из центральных постулатов официальной идеологии о господствующей роли рабочего класса в советском обществе. И Володя нанес его сознательно, с удовольствием и бесстрашно. Ведь никто не знал как прореагирует ЦК на первый доклад о том, что молодежь ни за что не хочет присоединяться к классу гегемонов. Я не знаю, кто из социологов может похвастаться таким прямым вызовом легитимности всей советской системы.

И все-таки, Шубкин не объявлял открытую войну партии и КГБ, но он был глубинно поглощен всю свою советскую жизнь тем, чтобы не сделать ни одного жеста в пользу системы, переступить порог дозволенного из страха и карьеры.

Он решительно отказался от сотрудничества с КГБ накануне его первой зарубежной поездки (речь шла о Франции, мечта всех нас тогда), хотя отлично понимал, что он может быть никогда не увидеть Париж и другие волшебные города и что абсолютное большинство его коллег без малейших колебаний, чуть ли не с радостью от

проявленного им доверия, соглашалось делать буквально все, что вежливо просили розовые мальчики из Лубянки или Аквариума.

Володя и Ира не только открыто читали Самиздат, но смело поддержали их приятеля, который будучи тесно и демонстративно связан с генералами диссидентства, находился под открытым наблюдением КГБ (по крайней мере, так мы считали тогда в Академгородке). Когда в Академгородке шла кампания против подписантства и многие наши коллеги склонили головы перед преследователями и даже стали оправдывать их и присоединяться в разной форме к ним, Ира и Володя прошли этот жуткий период в жизни академгородка с высоко поднятой головой. Много ли наших общих друзей и коллег могут привести подобные эпизоды из своей советской жизни?

Когда я в 1978 объявил о своем решении эмигрировать, совсем немного моих коллег по Институту не забыли мой домашний адрес, и, конечно, Володя и Ира были среди них, и старались поддерживать мой дух всякими средствами.

Володя не склонял головы не только перед чиновниками в ЦК и КГБ, но и перед своим советским боссом в Академгородке, от которого зависела его карьера. Довольно скоро он, защищая свою независимость и отказываясь петь ему осанну, вошел в конфликт с ним и лишился верных шансов на членкорство, которое досталось другим. Я уверен, что знаю только малую толику такого рода эпизодов из Советской жизни Шубкина.

Постсоветское время проверило достоинство Шубкина иным образом. Пусть здесь присутствующие назовут мне социолога масштаба Шубкина, с его опытом национальных и международных социологических исследований, который и сегодня в 1998 году имеет такой же общественный статус как и накануне перестройки–заведующий отделом?

А это произошло опять-таки из за Шубкиновской гордыни–отвращения к сотрудничеству с властью ради высоких позиций и, конечно, денег. Он не мелькает на телевидении и не рвется на московские престижные тусовки. Он не ищет встреч с сильными мира всего, хотя бы потому, что он их презирает. Шубкин не мог отказаться от нормальной позиции русского интеллигента и тем более социолога–выступать критиком властей, говорить правду об обществе, где правят была коррупция и преступность.

Он, при всей своей ненависти к тоталитаризму прошлого, не мог закрыть глаза на поведение тех, кто окружили трон, и органически не мог им служить ни прямо ни косвенно. Он не мог простить этим людям, претендующим на мантию демократов, их глубокое равнодушие к “униженным и оскорбленным”, к судьбам своей страны. Он не боится ни в Москве ни в Сизтле демонстрировать свой пиэтет к Солженицыну, игнорируемому и высмеиваемому в “демократических” кругах. Отвергая, в моем представлении, и коммунистов и либералов, Володя не боится говорить о своей любви к родине, о своей острой озабоченностью ее национальными традициями, сохраняя при этом уважение ка всем другим народам, к Западу, в частности.

То же чувство собственного достоинства заставли Володю приложить все усилия,

чтобы восстановить для себя и общества историю его отца, погибшего во время сталинского террора, опять-таки редкий случай в нашей жизни.

Володя никогда не скрывает свои идейные позиции и для него оказалось опять неприемлемой двойное мышление немалого числа его коллег—опять ругать власть на кухне, и поддерживать ее публично, добиваясь от нее разных привилегий.

Шубкин однако, полностью лишенный чувства зависти—опять-таки другая сторона его чувства собственного достоинства, он далек от порицания тех, которые ведут себя совсем иначе в это послесоветское время, столь полное разных соблазнов и столь равнодушное к понятию честности.

Объективность. Великое чувство достоинства объясняет, согласно моей теории, замечательные качества Шубкина как ученого.

1. Он всегда сохранял и сохраняет максимально возможное для человека критическое отношение к любым идеологическим догмам, левым и правым, марксистским и либерально-демократическим. Если говорить честно, я знаю в Америке и России очень и очень мало ученых, политиков и журналистов, которые были так интеллектуально открыты, так свободны от господствующей идеологии как Шубкин. Кто-то заметил, что главное достоинство Анны Ахматовой было то, что в Сталинские времена она сохранила способность называть белое белым и черное черным. Вот это-то Шубкин умеет делать и в постсоветское время.

2. Володя не забыл ничего из своей советской жизни, из судьбы сына врага народа. Но вот что поразительно—он не потерял способности судить о том времени, даже сталинском трезво, научно, объективно.

3. Я всегда восхищался способностью Шубкина трезво оценивать различные современные научные тенденции, редкое качество среди ученых во всем мире, спешащих наперегонки присоединиться совершенно некритически к очередной моде.

Шубкин был не только одним из основателей социологии в СССР, но и был одним из тех, кто одним из первых понял роль количественных методов в социальных науках. Он же издал первую книгу о количественных методах в социологии. Но он не оказался среди тех, кто в состоянии нелепой эйфории видели в этих методах панацею от всех проблем социологии.

Точно также 30 лет спустя он сохранил, в отличие от многих, здравую голову и не присоединился к поклонникам постмодернизма с его релятивизмом, отрицанием объективизма в науке и нелепыми в большинстве случаев фокусными группами, которые даже уважаемые социологи в Америке и России хотят заменить выборочные исследования,

4. Удивительная и редкая способность смотреть на мир, не поддаваясь эмоциям и предубеждениям, сделала из Володи не только первоклассного социолога, но и очень интересного писателя. Я до сих пор помню его замечательные публикации в старом “Новом Мире”, хотя я не всегда был во всем с ними согласен.

Моя бабушка –Песя Исааковна для одних, Пелагея Александровна для других, воспитанная на русской классической литературе–делила всех людей, включая ее внуков, на тех, кто является героями ее романа, и тех, кто не заслуживает этого звания. Я хочу завершить мое выступление заявлением–Владимир Николаевич Шубкин был и является героем моего романа, и я думаю, что таким же он является и для тех, кто пришел его приветствовать в этот важный день его жизни.

Пусть Володя со своими замечательными качествами продолжит радовать нас, свою страну и свою чудесную дочь Анку.

Володя Шляпентох

Ноябрь 30, 1998